

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

FIGUEIREDO, Antonio Macena de ^[1]

FIGUEIREDO, Antonio Macena de. Танатология: историко-философский подход к смерти в контексте правовой медицины и права. Revista Científica Multidisciplinar Núcleo do Conhecimento. 05-й год, Эд. 10, Вол. 09, стр. 26-55. Октябрь 2020 года. ISSN: 2448-0959, Ссылка доступа: <https://www.nucleodoconhecimento.com.br/закон/правовой-медицины>, DOI: 10.32749/nucleodoconhecimento.com.br/ru/66427

Contents

- РЕЗЮМЕ
- ВВЕДЕНИЕ
- 1. ПЕРСПЕКТИВА ФИЛОСОФОВ ДРЕВНОСТИ
- 2. СМЕРТЬ НА ЗАПАДЕ КОММЕНТИРУЕТ ИСТОРИК PHILIPPE ARIÈS
- 3. СМЕРТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОВОЙ МЕДИЦИНЫ И ПРАВА
- 3.1 ПОНЯТИЯ СМЕРТИ В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ
- 3.2 СМЕРТЬ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ
- 3.3 ВИДА СМЕРТЕЙ
- 3.4 НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕРТЬ И ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- СПРАВКА

РЕЗЮМЕ

Судебно-медицинская танатология объединяет одну из отраслей правовой медицины, связанных с научными аспектами со смертью, ее признаками и ее природой. Хотя смерть является естественным явлением, имеет последствия в правовой и социальной сфере, но она всегда была загадкой в западной культуре. Цель состоит в том, чтобы обсудить тему танатологии под тремя точками отражения: вырезать с точки зрения философов древности, которые работали больше всего на эту тему, видение смерти на Западе рассказал французский историк Philippe Ariès и как юридическая медицина и

право работал эту тему в профессиональной практике. Это обзорное исследование специализированной литературы. Будучи продемонстрирована как медицинско-правовой и правовой танатологии способствовать эти размышления, а также в определении и концепции смерти, однако, это были философы из Платона (428-347 а. К.) и историки, что эта тема была рассмотрена в нескольких отношениях. Делается вывод о том, что с течением времени способ решения этой проблемы изменился. Сегодня явление смерти госпитализировано, госпитализировано, удалено от семьи, общества и даже академической подготовки. Хотя юридическая медицина и право неразрывно связаны дисциплин, эта тема все еще далека как от преподавания, так и от профессиональной практики. Доказательства, свидетельствующие о необходимости переокусов тему в подготовке медицинских и юридических специалистов.

Ключевые слова: Танатология, История, Правовая Медицина, Гражданское право.

ВВЕДЕНИЕ

“Никто не верит в собственную смерть. Или, другими словами, в своем бессознательном состоянии, каждый из нас убежден в нашем собственном бессмертии “.

Sigmund Freud.

“Кто умирает, не умер, ушел первым
Чтобы пройти этот узкий шаг, оба
Мы все пойдем туда для конечной “.

Luís de Camões.

“Если это стоит жить; и является ли смерть частью жизни; то смерть также стоит “.

Kant, E.

Возможна ли моя смерть?

Jacques Derrida, Aporias.

Термин “танатология” происходит от греческого “*Thanatus*”. В греческой мифологии это имя, данное Богу смерти. Суффикс “логия”, также полученный из греческого, означает “исследование”. Таким образом, этимологически, слово Танатология означает научное исследование смерти; теории смерти, ее признаков и ее природы (HOUAISS, 2004).

К числу основных тем исследования относятся траур, насилие, смерть и его последствия при трансляции по телевидению, уход за тяжелобольных и неизлечимо больными пациентами, а также включение в систему образования людей для решения проблем, связанных с утратой, и в подготовку медицинских и юридических работников (KOVÁCS, 2008).

В юридической медицине, называемой медицинско-правовой танатологией, она занимается вопросами, связанными со смертью. Дисциплина, которая, согласно França (2015), охватывает самые разные понятия смерти, права на труп, судьбу умерших, диагноз смерти, приблизительное время смерти, внезапной смерти, агонией смерти и выживания; медицинско-правовая некропсия, эксмация и бальзамирование. И, среди прочего, он по-прежнему анализирует правовую причину смерти и в *in vita* и посмертных травм.

В этой связи он охватывает конкретные медицинские и юридические знания, поскольку явление смерти тесно связано с гражданской личностью человека и, следовательно, имеет крайне важное значение в правовой и социальной сфере.

Хотя эта тема была рассмотрена со времен дохристианских цивилизаций, различными культурами и областями человеческого знания, она всегда была загадкой в западной культуре. Она объединяет одну из самых широких и сложных тем, связанных с табу, отвращением, тайнами и чувствами.

В отличие от других животных, единственное убеждение человека в том, что в один прекрасный день он умрет. Чтобы исправить эту уверенность, каждый цепляется за

какую-то защиту, защиту или ищет убежища в чем-то, что выходит за рамки самого физического мира.

В человеческой истории, когда человек осознал себя, религия начала заполнять экзистенциальную пустоту перед тайнами смерти. Тема, которая всегда была проблемой среди ученых, моралистов, историков и объединяет философское мышление практически всех философов с древности.

Этот подход обсуждает тему танатологии под тремя точками отражения: мы стремились сделать обзор с точки зрения философов древности, которые работали больше всего на эту тему, видение смерти на Западе рассказал французский историк Филипп Ариас и как юридическая медицина и право работали эту тему в профессиональной практике.

1. ПЕРСПЕКТИВА ФИЛОСОФОВ ДРЕВНОСТИ

Смерть всегда была тенью, которая висела над историей человеческой жизни. Будучи частью биологического круга жизни (родиться, расти, размножаться и умирать) против него человек никогда не был в состоянии бороться.

Перед лицом новых возможностей, предоставляемых прогрессом науки может даже замедлить его, но вы никогда не сможете избежать его. Потому что это природное явление, как человек получил сознание себя, религия служила в качестве первой точки поддержки, чтобы свести к минимуму чувство траура перед лицом человеческих потерь.

Существует непреодолимая граница между живыми и мертвыми, которые увековечиваются с течением времени, что является инструментом обычаев и верований между различными этническими группами в разное время. Возможно, именно поэтому это вездесущая тема в философской мысли всех времен.

Хотя теология, антропология, социология, психология, медицинско-правовая танатология и право способствовали этим размышлениям, именно философы из Платона (428-347 а. К.), что эта тема была рассмотрена в нескольких аспектах.

В Платоне у вас есть источник всего, что сказал Сократ. В частности, о его смерти в одном из своих шедевров – Диалоге Федао/Федона, где он рассказывает факты, предшествовавшие его суду, по обвинению в неверии в греческих богов и развращать афинскую молодежь.

Признан виновным, он сидел с неуязвимой силой духа перед судом, который приговорил его к смертной казни. В возрасте 71 года он был осужден в 399 году. С. “Суд Heliastas”, состоящий из представителей десяти племен, которые составляют афинской демократии, судят 501 членов, с 220 голосов в пользу его оправдания и 281 против (PLATO, 2009).

Влияние осуждения его хозяина глубоко повлияло на него, и некоторые из его диалогов связаны с этим событием, а также служили этическими размышлениями философов того времени о природном явлении смерти. Например, в одном из диалогов Федао/Федона рассказ Платона уже мог воспринять взгляд Сократа на смерть. Для него смерть была бы венцом добродетельной жизни. Осуждение было бы предупреждением от богов уйти из жизни, ибо смерть была бы моментом, когда дух является частью тела, так как душа хочет освободиться от несовершенства тела: то, что она назвала тюрьмой души (SUXO, 2015).

Эпикур (341 а. К. – 270 а. К.), в свою очередь, возможно, был мыслителем древности, который наиболее развил тему смерти. Его мысли можно резюмировать в знаменитом Письме о счастье (Перетес эудаймониас), или Письме Менечеву, одному из его самых важных учеников.

Его чтение показывает, что “нет ничего страшного в смерти”. Некоторые эпикурейские максимы, также сохраненные Диогеном Ларсио в книге X книги «Моя жизнь и доктрина прославленных философов», свидетельствуют о попытке Эпикура прояснить, что нет смысла в страхе смерти (SILVA, 1995).

Он начинает Устав с «увещевания к осуществлению философии», рассматривая его как дисциплину, целью которой является именно сделать человека, который практикует его счастливым. В следующей теме, он имеет дело со смертью, будучи представлен как самый страшный из зол. Поэтому он подчеркивает: «Абсолютно необходимо

преодолеть страх смерти; никто не должен бояться этого, так как нет никакого преимущества в жизни вечно: важно не продолжительность, а качество жизни». (EPICURO, 2002, стр. 14/15). Поэтому Эпикур подчеркивает:

Привыкай к идее, что смерть для нас ничто, так как все добро и все зло пребывает в ощущениях, а смерть как раз и лишена ощущений. Четкое осознание того, что смерть ничего не значит для нас, обеспечивает наслаждение эфемерной жизнью, не желая добавлять к ней бесконечное время и устраняя стремление к бессмертию. [...]

Но мудрые не брезгают жить, и не боятся перестать жить; для него жизнь не является бременем, а «неиму жизнь» не является злом (EPICURO, 2002, стр. 27/31).

Для того, чтобы жизнь была хорошей, вам нужно здоровье тела и спокойствие ума. Счастье, в свою очередь, – это отсутствие физических страданий и нарушений души, а непреходящее удовольствие заключается в безмятежности духа (GOMES, 2003). Как только ему удалось избавиться от страданий от страха, он успокаивает всю бурю души, не имея больше искать ничего, кроме блага души и тела (PEREIRA, 2019).

Против несчастья, Эпикур учит доктрине четырех средств правовой защиты: *Tetrafarmakon* (do gr. тетрафармако, термин, означающий лекарство, состоящее из четырех элементов). Таким образом, по аналогии, он приравнивается к набору из четырех фундаментальных максим эпикурейской этики: 1-й не бояться божественности, кто не заботится о человеке; Второй не бояться смерти; Третий иметь в виду легкость удовольствия; и, 4 иметь в виду краткость боли, как сносной (ABBAGNAMO, 2007).

Возможно, Эпикур был первым, кто сформулировал предположения, что смерть не должна быть проблемой для человека, в то время как он живет имеет четкое понимание предела этой жизни. Причина таких размышлений заключается в том, что мужчины в целом имеют со смертью отношения страха; этот страх является источником мучений, который одушевляет душу и препятствует балансу, необходимому для счастливой жизни (SILVA, 1995).

В Древней Греции существовала также очень тесная связь между философией и медициной. Для эпикура и для его последователей освобождение и исцеление сделаны философией. Так же, как «врач занимается болезнями и страданиями организма; философ отвечает за заботу о болезнях и страданиях души». (ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, 2004, стр. 73).

Как Аристотель (382 а. К. – 322 а. К.), считал, что величайшей целью жизни было счастье, Эпикур пошел дальше: Он думал, что трудность в достижении была в страхе, который мы чувствовали смерти. Поэтому было предложено выйти из тупика: если смерть – это конец ощущений, то она не может быть физически болезненной, а если это конец сознания, то она не может причинить эмоциональную боль. То есть бояться нечего. Преодолев этот страх, каждый может быть счастливым.

Таким образом, в Эпикуре есть этика, направленная на обучение, чтобы избежать или терпеть боль, страх и страдания, руководствуясь тремя центральными темами: «атараксия» (термин, который обозначает полное отсутствие нарушений или беспокойство ума), отсутствие страха перед лицом смерти; характеристика удовольствия и правильное понимание желаний, основа которых основана на двух причинах: принципе, согласно которому каждый выбор или отказ – это удовольствие и боль; с другой стороны, знание того, что такое смерть и становление вещей, связано с накопленным опытом, который позволяет обобщать и делать выводы о них одной или множественной истиной (GOMES, 1994).

Таким образом, удовольствие в покое, как называет эпикур, это именно «атараксия», то есть состояние желания всегда насытиться и достигается идеальным балансом между частями организма (ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, 2004). Отсюда понимание того, что «удовольствие – это начало и конец счастливой жизни». (EPICURUS, 1997, стр. 37).

Поэтому, если философия направлена на достижение «атараксии», то есть невозмутимости души, а забота о смерти порождает возмущение, то такая забота не должна быть предметом философии (SILVA, 1995). Таким образом, большая заслуга его этики в том, чтобы способствовать освобождению страха смерти, намереваясь учить и терпеть боль, страх и страдания перед лицом неизбежного процесса.

Сенека (ок.55 а. С 39 д. К.) он также задается вопросом, как жизнь может быть настолько кратким из ссылок его современников. На самом деле, его жизнь была сокращена, потому что он был вынужден покончить жизнь самоубийством по обвинению в заговоре против императора Нерона (SÊNECA, 2008). Из него высвываются две фундаментальные работы, *De brevitae vitae* и *Epistulaes* на эту тему, в которых он советует отряд материальных удовольствий. Он учит, как устранить привязанность к жизни, причиной страха смерти. В нем говорится, что “благодаря умеренности, применяемой к материальным благам, нынешним ситуациям и будущим проектам, можно лучше использовать время и подавление обостряемого желания материальных вещей, которые утаит людей к жизни”. (BUCHARD, 2012, стр. 124).

Строго говоря, у вас впереди не жизнь, а продолжительность жизни, которую вы живете еще несколько лет, что не позволяет нарочить будущее. Будучи мыслителем школы стоицизма, он советует терпеть невзгоды, как способ подготовиться к смерти, которая, несомненно, придет.

Разделение границы между жизнью и смертью было инструментализировано религиями и культурами, которые были весьма заметны в древних обществах. К счастью, поведение о смерти культурно задумано и поэтому меняется от одного времени к другому из-за структурных изменений в обществе с течением времени.

С древности эта тема была объектом размышлений среди философов. Скорее всего, культурные изменения в обществе были рассказаны историками. Потому что размышления о культуре утраты увековечиваются и по сей день, возобновляются в разное время, либо культурой, либо этническими моральными ценностями, либо греческой философией или повествованием историков или социологов.

В средневековую эпоху (476-1453), например, было больше беспокойства, чтобы понять роль человечества по отношению к его божественности, так что тема смерти была понята более естественно и была частью социальной среды. Смерть и жизнь взаимодействовали недифференцированными в мире средневековых деревень и городов в соответствии с местной культурой.

В других случаях, возвращает тему смерти от мысли греческих философов. Один из

философов современности, Michel de Montaigne (1533-1592), в своей тератологической философии возобновляет диалог, хотя они не упоминают стоических философов, таких как Сенека, Цицерон, Эпикур и эпикурейский Лукресио непосредственно, он подчеркивает, что эти философы стремятся устранить их экзистенциальные страдания перед лицом смерти (BUCHARD, 2012).

На репетиции И. 20 – озаглавленный “что философов учить умирать”, которая объединяет набор эссе, Монтень воспользовавшись моральными размышлениями стоических и эпикурейских авторов, “против тех, кто поворачивается спиной к смерти, пытаюсь любой ценой игнорировать эту неотъемлемую гибель человеческого состояния: [Это потому что] мы все умрем”. (ORIONE, 2012, стр. 463-481). Это потому, что необузданная привязанность к жизни, которая вредит нашему существованию.

Для Georg Wilhelm Friedrich Hegel (1770 – 1831), в своей работе феноменология духа, опубликованная в 1807 году, ясно выражает жертву переживает смерть.

Друг Friedrich Schelling, он был под влиянием чтения Spinoza, Kant и Rousseau, среди других. В предисловии к этой работе Гегель дает понять, что смерть и жертвы заранее имеют основополагающее значение для понимания естественного положения жизни перед лицом смерти. Он пишет, что:

Смерть – если мы хотим назвать эту неэффективность – это самое страшное; и поддержание того, что мертво, требует максимальной силы. Красота без силы ненавидит понимание, потому что она заряжает вас, что вы не можете выполнить. Но это не жизнь, которая боялась перед смертью и остается нетронутой от разрушений, но это жизнь, которая переживает смерть и сохраняется в нем, который является жизнь духа (SALVIANO, 2012, стр. 196).

Действительно, поскольку жизнь является естественным положением сознания, независимость без абсолютного негатива, так и смерть является естественным отрицанием этого же сознания, отрицанием независимости, которое, таким образом, лишено предназначенного значения признания (SALVIANO, 2012).

Другой философ современности, немец Arthur Schopenhauer (1788-1860), также изучает

смерть в нескольких своих работах. Он представляет в качестве краеугольного камня своей философии книгу “Метафизика любви / Метафизика смерти”. Для него та же причина, которая обеспечивает уверенность в смерти, также производит прекрасное противоядие от нее, будучи в состоянии свести на нет превратности жизни. На этом пути, с разумом, появившимся среди мужчин, обязательно, также возникает пугающая уверенность в смерти. Как отмечает Schopenhauer:

Но, как и в природе, каждому злу всегда дается средство правовой защиты или, по крайней мере, компенсация, то же отражение, которое возникло знание смерти, также помогает в утешительных метафизических представлений, которые животное не нуждается, и не способен. Прежде всего для этой цели ориентированы все религии и философские системы, которые поэтому, прежде всего, противоядие от уверенности в смерти, произведенное рефлексивной причиной из собственных средств (SALVIANO, 2012, стр. 196).

Опять же, один из самых известных философов-экзистенциалистов 20-го века, Martin Heidegger (1889-1976), возобновляет мышление доократических греков, но находится под влиянием датского Sören Kierkegaard и Nietzsche.

В работе – *Sein und Zeit*, опубликованной в 1927 году, несколько раз переиздавался на португальском и других языках, касался тематической смерти (HEIDEGGER, 2001, 2005, 2007). Что это будет? Это был тревожный вопрос Хайдеггер спросил в этой работе. Это также его идея, что только перед лицом смерти человек приобретает чувство бытия и свободы.

Считается, что центральным пунктом его теории является смысл «бытия»: пути и способы выражения и выражения бытия. Таким образом, самое главное – достичь наилучшего чувства бытия, столкнуться со смертью – быть насмерть.

В этой работе также приносит понятие бытия до смерти. Суть его философии заключается в экзистенциальном понимании смерти, то есть смерть – это внутренняя возможность его собственной. Другими словами, существо в мире – это существо, характеризующееся страданиями смерти. Однако это положение должно иметь

понимание того, что смерть присутствует в ее существовании.

Конец нашего существования означает быть в конце. Для того, чтобы быть на конце конца до конца быть означает быть до смерти. В повседневной жизни у нас есть опыт смерти. Будь то смерть близкого нам человека, будь то смерть человека, который нам далек, смерть незнакомца. То есть, смерть всегда смерть других, а не наша.

Философия Heidegger предполагает и поддерживает смерть как возможность как можно более долго на каждом шагу. То есть, не возможно, что можно выбрать. Таким образом, самоубийство отбрасывается в своей философии, так как самоубийство просто избежать естественной возможности.

Его философия также разрывается с традицией о смерти, поскольку она направлена на обеспечение экзистенциального понимания бытия "*Dasein*" (термин, который указал на существование чего-то задуманного в целом в его решительном характере, то есть, он должен пониматься как существование бытия) как существо – никто не может умереть на месте другого (HEIDEGGER, 2005). То есть смерть – это личное. И каждый должен знать существо, свою силу свое существо до конца. "Смерть это способ бытия, что время берет на себя, на данный момент это. "Умереть достаточно, это живой". Фраза, освященная Heidegger (2001, стр. 245).

Эпикур (341 – 270 а. К.) он писал, что пока смерть жива, ее не существует, а когда она происходит, ее больше нет, поэтому смерти не существует. В согласованности с этой мыслью Зигмунд Фрейд (1856-1939), "в некоторых своих работах заявил, что нет понятия о смерти в бессознательном состоянии". (ZAIDHART, 1990, стр. 23).

В "размышлениях о временах войны и смерти" он возобновляет дискуссии о смерти (ZAIDHART, 1990, стр. 23). Эти идеи уже изложены в "Интерпретации снов", "Тема трех отбросов" и "Тотем и Табу", "о нарциссизме: введение", "траур и меланхолия", а также в "Эго и Id". По Фрейду никто не верит в собственную смерть, то есть бессознательно мы убеждены в нашем бессмертии. «Наша привычка подчеркивать случайные обвинения в смерти – несчастный случай, болезнь, старость; таким образом, мы предаваем усилия по сокращению смерти от необходимости случайного факта ". (ZAIDHART, 1990, стр. 327/8).

С этой мыслью фокус становится не самой смертью, а каким-то другим событием, которое ее окружает. Внимание отвлекается на внешнюю сторону, на причины, которые приводят к смерти. То есть механизм защиты инстинкта жизни, который перекрывается с инстинктом смерти. При этом понимании можно сделать вывод, что страх смерти будет направлен не на само тело, а на страх агрессии для достижения самосохранения. Как понять Freud (1987, стр. 75): “Страх смерти появляется как реакция на внешнюю опасность и как внутренний процесс, который происходит между Ego и Superego”.

Современный человек живет с идеей катастроф во все времена. Поэтому, столкнувшись с таким отсутствием контроля над жизнью, человек пытается защитить себя психически, все более интенсивным образом против смерти. “Снижение их физической защиты каждый день, их психологическая защита действовать по-разному”. (KÜBLER-ROSS, 1998 год, стр. 52/85).

В современном обществе смерть практически исключена из нашей повседневной жизни – мы больше не умираем дома, мы умираем изолированно в отделениях интенсивной терапии больниц, поэтому стратегически смерть скрывается в больницах (ARIÉS, 2003), в холодных глазах. ощущение, что медицинские работники изолированы в постели или в отделении СТИ (Центр интенсивной терапии), в одиночестве, вдали от морального или духовного комфорта членов своей семьи. Раньше люди могли выбирать, где они умрут, у дальних или близких родственников или в месте своего происхождения. «Давно прошли те времена, когда человеку позволяли мирно и достойно умереть в собственном доме». (KÜBLER-ROSS, 1998, с. 85).

Делая скобки, наиболее облом, фрагментация преподавания, продукт растущей специализации технологического прогресса в медицине, дает врачам каждый день ощущение растущей власти над болезнями и смертью. Если, с одной стороны, это отражает тенденцию будущих специалистов специализироваться на превосходстве науки исцеления, с другой стороны, когда болезнь не уступает терапии, указанной указанными научными данными, указанными исследованиями в международных научных журналах, пациент идет к смерти, не находя в этих специалистах людей, психологически готовых иметь дело со страданиями пациента и его семьи.

Кроме того, считается, что паллиативная медицина стала сферой деятельности различных специальностей, которая не ведет диалога друг с другом. В настоящее время, в соответствии с CFM (Федеральный совет по медицине) Резолюция N, 1,973/2011 Есть шесть специальностей, которые на самом деле области деятельности, потому что требование подготовки только один (1) год в аспирантуре (гериатрии, педиатрии, онкологии, медицинской клиники, анестезиологии, семейной медицины или сообщества) и, следовательно, каждый принимает свои концепции, методологии, протоколы и терапии надлежащего человека. Возможно, озабоченность в связи с последующей деятельности по трауру, так как интегральная кампания по уходу за человеком до после смерти.

Наконец, подводя итог мысли Freud, он идентифицирует бессознательные фантазии в процессе индивидуального понимания смерти, которые, по его мнению, эквивалентны страху кастрации, утрате любви, вины, траура и меланхолии. Из его исследований появились энергичные теории, которые помогают людям справиться со смертью, физической смертью и частичной смертью от изо дня в день жизни (ARAÚJO, 2003).

Однако сегодня, по мнению западного человека, смерть стала синонимом провала его знаний, бессилия и даже стыда. Ее пытаются побить любой ценой и, когда такой успех не достигается, это скрыто и отрицается.

2. СМЕРТЬ НА ЗАПАДЕ КОММЕНТИРУЕТ ИСТОРИК PHILIPPE ARIÈS

В попытке обобщить то, что социолог и историк Philippe Ariès рассказал о обрядах и отношения вокруг смерти в своей работе “История смерти на Западе”, мы стремимся выделить некоторые моменты для размышлений о смерти средневековья до двадцатого века.

Со времен средневековья символические системы, связанные с погребальными обрядами и чувство траура, сохранились, поскольку практически ничего не изменилось из-за структурных изменений, которые произошли в обществе. Однако “с восемнадцатого века человек западных обществ стремится придать смерти новый смысл”. (ARIÈS, 1977, стр. 41).

В древности было отношение к смерти с точки зрения синхронности и диахронии, как показывает Airès (1977). То есть, в то время как некоторые взгляды остаются практически неизменными, другие возникли в определенные исторические моменты. В древние времена смерть была одной из отставок – максима была “мы все умрем”. То есть смерть была замечена естественно. Несмотря на свое знакомство со смертью, они боялись своей близости и стремились держаться на расстоянии. То есть мир живых был отделен от мира мертвых.

В Roma, например, “Закон Двенадцати Скрижалей запретил захоронение в Урбе, в пределах города”. Кладбища располагались за пределами городов, как правило, на краю дорог, таких как Via Appia и Alyscamps. Только часть кладбищ, то есть в галереях, существовавших вдоль двора церквей или соборов, была покрыта оссуариями, хотя эти места были более зарезервированы для священников и великих личностей общества (ARIÈS, 1977).

Код Феодосийский (сборник древних юридических текстов, сделанных в период под названием Постклассический по повест Феодосийского II. Он собрал полный текст всех римских имперских конституций – опубликованный в 438 году) повторяет тот же запрет, так что святыни домов жителей могут быть сохранены. Само слово *funus* означает как мертвое тело, похороны и убийство, так и осквернение, спровоцированное трупом (ARIÈS, 1977).

Чтобы понять тайну смерти, были созданы сложные символические системы, которые являются не более чем погребальные обряды, в соответствии с культурой народов в каждом возрасте. Церемонии матча состояли из нескольких этапов: Смерть является публичной и организованной церемонией, испытала семья и вся община и простота обрядов смерти без драматического характера или чрезмерных эмоций преобладали.

С 11-го и 12-го веков, диахронические аспекты вводятся, с учетом тонких изменений, которые постепенно дали драматический и личный смысл знакомства человека со смертью, и могут быть переведены в эту формулу: “смерть себя”. Человек подчиняется одному из великих законов вида, но не думает о том, чтобы избежать его или возвысить его (ARIÈS, 2012, стр. 49).

Автор указывает на ряд явлений, которые внедряются в традиционную систему художественных представлений: вдохновение о Окончательном Суде, умирание, лежащее в его комнате в ожидании обрядов, гробница как изображение разложившегося трупа. Так, во второй половине средневековья, с 12 по 15 век, было приближение между тремя категориями умственных представлений:

смерти, признания каждым человеком его собственной биографии и страстной привязанности к вещам и существам, одержимым в течение жизни. Смерть стала местом, где человек стал лучше осознавать себя (ARIÈS, 2003, стр. 58).

С XVI по XVIII век человек западных обществ стремится придать смерти новое значение – «смерть другого». Смерть в настоящее время представляется как разрыв. По словам Ariès (2003), в конце XVIII века произошли два изменения: самоуспокоенность в связи со смертью другого и глубокие изменения в отношениях между умирающими и его семьей. Он говорит, что с высокого средневековья до середины XIX века отношение к смерти изменилось, но так медленно, что почти современники не поняли.

Но жестокие изменения произошли в 20-м веке; одним из них является тенденция скрывать умирающих, его реальную гравитацию и его состояние; в то время как старые обычаи умирали дома, комната пациента была заменена больницей, семья была заменена больничной медицинской командой и обряд захоронения тела передавался профессионалам, выполняя с крайней краткостью.

Из-за изменений в обычаях, привязанности к жизни и достижений в науке за последние шестьдесят-семьдесят лет болезни и смерть перешли в больницы и перестали занимать тепло дома. Больница стала идеальным местом для оказания помощи пациентам, а также появились все более квалифицированные специалисты для обеспечения правильного ухода.

Смерть перестает быть естественным условием, чтобы стать патологическим, техническим явлением и становится холодным событием, далеким от семьи, друзей, соседей и даже общества. В больнице пациент умирает в окружении незнакомцев, людей, с которыми он не имеет сродства, профессионалов, которые обычно подходят к

выполнить задание или выполнить процедуру, только; людей, которые используют другой язык, чем обычный один из их изо дня в день, и их имя становится кровать с номером X или болезни Z (SPLNDOLA, 1994).

В первой работе Ariès «Португальский 1977» (1977, стр. 53/4) он уже отметил, что многочисленные социологи и психологи столкнулись с результатами исследований, проведенных на пути к смерти, с бесчеловечностью и жестокостью одиночной смерти в больницах.

С XVIII века у него сложилось впечатление, что сентиментальный промах сделал инициативу умирающего передать его семье – семье, в которой он имел полное доверие. Сегодня инициатива прошла путь от семьи, такой же отчужденной, как и умирающие, до врача и персонала больницы. Они являются владельцами смерти, их момента, а также их обстоятельств (ARIÈS, 1977, стр. 53/4).

В сплоченности смерть госпитализирована, меманизирована, анамнезис и беседа с пациентом были заменены научными исследованиями, сложными тестами, машинами, которые видят пациента внутри и организм стал работать по максимуму с помощью оборудования, то есть смертного увековечивают и болезнь становится объектом торговли и прибыли в частных учреждениях или дополняют Единую систему здравоохранения.

Профессионалы все чаще обучаются держать организм работает, но в то же время

не готовы к удовлетворению реальных потребностей пациента, о недуге смерти, а также его семьи. Технология продлевает жизнь пациентов, но не помогает им в процессе смерти, а неизлечимо больной пациент социально маргинализирован, поскольку он больше не играет функциональной роли (MEDEIROS, 2011, стр. 206).

Врач стал мишенью всех ожиданий общества, прошел и оказал большое влияние на болезнь, на ее лечение, на токи пациентов и их семей, и их отношения с пациентом были ослаблены дистанцированием все более тесного контакта с пациентом и его семьей.

Эта связь по-прежнему имеет тенденцию отходить из-за осуществления дистанционной медицины либо из-за систем, дежуря *"stand by"* или использование телекоммуникационных средств – телемедицины. Кроме того, уход уже оказывается командой, то есть каждый день пациенту помогает другой профессионал. Даже медсестра отошла от пациента, вот, он стал менеджером по уходу, то есть он больше не оказывает прямого ухода за больными, задача теперь зарезервирована больше для специализированных секторов интенсивной терапии СТИ/УТИ.

В этом контексте существуют две парадигмы, связанные с действиями в области здравоохранения: исцеление и уход. В парадигме исцеления инвестиции в жизнь любой ценой, в которой высокотехнологичная медицина становится настоящей, и более гуманистические практики находятся в фоновом режиме (SPLNDOLA, 1994). В этом смысле связь со смертью стала очень безличной, холодной и косвенной из-за очень характерной для технической академической подготовки (FIGUEIREDO, 2013). В парадигме ухода, есть признание смерти как часть человеческого состояния, не принимая во внимание больного человека, но только болезнь.

Из-за этой безличности молчание о смерти дошло до постели умирающего, ибо ему отказывают даже в праве на информацию о своем состоянии здоровья. И если это не явная норма, то это, по крайней мере, обычная практика, так как они скрывают как можно больше того, что не могут предоставить необходимую информацию умирающим и его семье (GURGEL, 2007).

Реальный пример этого заявления в настоящее время в CFM Резолюция No. 1995/2012 (BRASIL, CFM Резолюция No 1995 DE 09/08/2012), которая определяет ожидаемые директивы воли, то есть, это набор желаний, ранее и прямо выразил пациента в жизни об уходе и лечении, что он или она хочет получить в тот момент, когда он не в состоянии выразить, свободно и автономно, его воли. Этот стандарт является чрезвычайно спорным в смысле привилегия власти врача. В то же время, что он говорит, что он признает автономию пациента, однако, это не сдерживает, что при условии, что один уважает то, что в кодексе медицинской этики. Другими словами, дисквалифицирует и землю игры руководящие принципы воли, вот, решение его желания заканчивается пребыванием во власти врача, то есть возвращается к старой заповеди гиппократической благосклонности: предмет врача и пациента объекта.

Посмотрите, что говорит ст. 2. “При принятии решений об уходе и лечении пациентов, которые не могут общаться, или выразить свое умышленное и независимое, врач будет принимать во внимание его ранние директивы воли”. С другой стороны, он тянет ковер: посмотрите на то, что No 2 из вышеупомянутой статьи говорит: “Врач больше не будет принимать во внимание ожидаемые директивы воли пациента или представителя, которые, в его анализе, находятся в несогласии с заповедями, продиктованными Кодексом медицинской этики”.

Поэтому именно с учетом значительного увеличения продолжительности жизни населения мира, главным образом в результате развития медицины, законное право наиболее уязвимых людей говорить перед смертью снимается с помощью внутреннего административного акта классного органа, поскольку решение всегда будет приниматься в субъективности патерналистского взгляда или этической и гуманистической совести профессионала. Кстати, врачи сталкиваются со следующей дилеммой: прислушаться к устам своей совести или выбрать не соблюдать норму, опасаясь прохождения дисциплинарного этического процесса.

Поэтому следует возмущаться тем, что этот вид священнической точки зрения, вот, право на решение гражданина должен быть гарантирован в жизни, а не оставлять его на после себя тривиального решения дисциплинарного органа профессиональной практики. Следует помнить, что обращение с нашей конституционной правовой системой не допускает дискриминации: основная цель заключается в Конституции Федеративной Республики Бразилия в пункте IV статьи 3 Великой хартии вольностей, которая заключается в *“содействии благо всех, без предрассудков происхождения, расы, пола, цвета кожи, возраста и любых других форм дискриминации”*.

Условия этой резолюции жестоко и резко обнажают хрупкость пожилых людей, то есть именно тех, кто должен получить больше защиты, поскольку они становятся не в состоянии защитить себя, учитывая неохрняемое уважение их решения в жизни. Стандарт, не противоречащий руководящим принципам Всеобщей декларации биоэтики и прав человека, построенной странами-членами Организации Объединенных Наций и одобренной на сессии Генеральной конференции UNESCO (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) в Париже, Франция, состоявшейся в октябре 2005 года.

Но, как отметил Ariès (1989), с “запрещенной смертью”, новый обычай требует, чтобы умирающие умерли в полном неведении о его смерти (ARIÈS, 1977, p. 53/54). Смотрите, пример того, что происходит с тяжелой пандемией covid19, которая преследует мир, особенно пожилого населения, потому что они умерли, не зная причин политической поляризации использования гидроксихлорохин и ивермектин и другие лекарства.

Таким образом, видно, что тема смерти представляет собой одну из величайших загадок человеческого существования; но, если, с одной стороны, если медицине было дано право изменить естественный ход, то, с другой стороны, нельзя забывать, что ее благороднейший способ заключается в облегчении страданий тех, кто вот-вот умрет, как постулируется Гиппократ де Коса: *primum non nocere* – в пользу или, по крайней мере, не вредить, не действовать, когда болезнь кажется смертельной и атаковать причину ущерба (ZAIKHART) , 1990).

3. СМЕРТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВОВОЙ МЕДИЦИНЫ И ПРАВА

Правовая медицина – это рука медицины. С момента создания первых медицинских школ Bahia и Rio de Janeiro В юридическом образовании он поступил в учебные программы юридических школ только с 1891 года по инициативе Rui Barbosa (FRANÇA, 2015).

С этого времени юридическая медицина была определена как медицинская специальность в изоляции. Только после более чем двух (2) веков, он стал частью специальности в сочетании с медицинской экспертизы, в соответствии с CFM Резолюция CFM N° 2005/2012 – правовая медицина и медицинская экспертиза.

Для Freire, ссылаясь на юридическую медицину Gandolfi.

именно наука направлена на применение медицинских принципов в Министерстве гражданского, уголовного, канонического правосудия и философский анализ некоторых физических, моральных и социальных элементов человека, которые служат основой и порядком институтов и реформе некоторых законов (FREIRE, 2010, стр. 30).

Peixoto, в соответствии с Freire “говорит, что юридическая медицина является применение научных знаний к господам правосудия. Это не автономная наука, в точном смысле выражения, а набор приобретений различного происхождения для данной цели”. (FREIRE, 2010, стр. 36).

França (2015, стр.1) во введении десятого издания своей работы “Правовая медицина”, концептуализирует как “науку больших масштабов и чрезвычайно важное значение во всех интересах коллектива, потому что она существует и осуществляет все больше и больше из-за потребностей общественного порядка и социального баланса”.

“Правовая медицина является медицинским, техническим и биологическим вкладом в дополнительные вопросы правовых институтов и вопросов государственного или частного порядка, когда в интересах судебной администрации”. Это правовая дисциплина, которая охватывает конкретные медицинские и правовые знания, поскольку явление смерти тесно связано с гражданской личностью личности и, следовательно, имеет крайне важное значение в правовой и социальной сфере. Профессор França (2015, стр.8) объясняет, что это “юридическая дисциплина, потому что она была создана и питается перед лицом существования и потребностей права”.

Танатология, в свою очередь, изучает процесс смерти в одиночку или связан с другими академическими областями. Медицинско-правовая танатология является частью правовой медицины, которая изучает смерть и смерть и ее правовые и социальные последствия (FRANÇA, 2011). В соответствии с правом на танатологию это называется судебной танатологии, потому что смерть также имеет правовые последствия. Если с одной стороны существует понятие биологической смерти, то с другой – юридическое понятие.

Таким образом, эта отрасль Медицинско-правовой, занимается анализом самых различных понятий смерти, “заботится о смерти и мертвых, правах на труп, судьбе умерших, диагнозе смерти, приблизительном времени смерти, внезапной смерти, агонией смерти и выживания; медицинско-правовая некропсия, эксмация и бальзамирование». (FRANÇA, 2015, стр.8).

С момента открытия анатомии, труп стал частью, “без религиозных или моральных

соревнований, в медицинской области”. (FOUCAULT, 2013 г., стр. 138). Отсюда возникает необходимость обнаружения в трупе продуктов смерти и болезней. После того, как тело было десакрализовано анатомами, труп стал объектом науки, учитывая только его физическую и биологическую природу. Если, на тысячелетие, жизнь носила в себе угрозу болезни, а это, угроза смерти, в девятнадцатом веке, эта связь начинает научно мысли, как Foucault говорится:

если до восемнадцатого века, врач был его взгляд направлен на жизнь и лечение болезней, и смерть была темной угрозой для его исполнения, в девятнадцатом веке, медицинский взгляд начал полагаться на смерть как инструмент, который позволяет ему понять правду о жизни и природе своего зла (FOUCAULT, 2013, стр. 138).

Смерть больше не является признаком неудачи медицины, поскольку теперь можно определить ее причины. Таким образом, большой разрез в истории западной медицины датируется именно тем моментом, когда клинический опыт стал антомоклиническим взглядом (FOUCAULT, 2013).

Тем не менее, согласно Фуко, именно в свете смерти можно войти в неизвестность жизни. Цитируя *Бичата*, он говорит, что девиз этого века сформулирован следующим образом: «Открой трупы: скоро вы увидите неизвестность, которую не могло рассеять только наблюдение, исчезнет». (FOUCAULT, 1990, стр. 97).

Таким образом, смерть стала частью набора научно-технических знаний, за которыми следуют этические принципы и правила прав, и вот, общества регулируются нормативными законами.

Наконец, необходимо задаться вопросом о том, каким образом правовая медицина и право определяют явление смерти и различие между естественной насильственной смертью, ее предполагаемой причиной и завершается разоблачением причин трудностей, связанных с темой смерти, над которой работают в профессиональной практике.

3.1 ПОНЯТИЯ СМЕРТИ В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ

Танатогноз является частью танатологии, которая изучает диагноз реальности смерти. Основная цель заключается в установлении законной причины в поисках для определения гипотез убийства, самоубийства или случайного. В этом случае не следует принимать никаких приговоров к осмотру тела, а также по результатам осмотра места смерти, который проводится уголовным следствием (FRANÇA, 2011).

С другой стороны, диагноз естественной смерти ставится через многочисленные признаки, называемые признаками смерти. Однако на практике обычно принимается критерий прекращения респираторных и кровеносных явлений (GOMES, 1994), хотя преобладает понятие смерти мозга.

Критерий смерти мозга основан на полном прекращении мозговой деятельности в целях удаления тканей после смерти, как это определено в статье 3 Закона No 9434 от 4 февраля 1997 года, которая предусматривает изъятие органов, тканей и частей человеческого тела с целью трансплантации и лечения и предусматривает другие меры. *In verbis*:

Искусство. Посмертному удалению тканей, органов или частей человеческого тела, предназначенных для трансплантации или лечения, должна предшествовать диагностика смерти головного мозга, проверенная и зарегистрированная двумя врачами, не участвующими в работе групп по удалению и трансплантации, с использованием клинических и технологических критериев, определенных постановлением Федерального совета по медицине (BRASIL, Закон No 9434 от 04.02.1997).

Смерть мозга происходит, когда есть необратимые травмы всего мозга, будучи проверены двумя врачами, не принадлежащими к команде трансплантации, как это предусмотрено в сказанном правовом устройстве и в соответствии с этическими критериями, определенными CFM Резолюция N°. 1480/1997, обновлено постановлением N° 2173/17 Федерального совета по медицине (BRASIL, Постановление N° 2173/2017).

Один из аспектов, который важно подчеркнуть, относится к тому факту, что диагноз

смерти мозга устанавливается в присутствии аперцептуальной, необратимой комы известной причины, отсутствия супраспинальной двигательной активности и апноэ, которому предшествовали два клинических исследования, такие как прогнозирование статей 1, 3 и 4 сверхпричинного разрешения.

Таким образом, смерть может быть понята просто как полная и необратимая потеря жизненно важных функций, но принимаются две различные концепции жизненно важных функций: смерть мозга и кровообращение.

3.2 СМЕРТЬ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ

В правовой сфере смерть рассматривается как прекращение гражданской личности *de sui ius*, личность, которая начинается с рождения человека с жизнью, хотя нет определения в законе о том, что сама смерть будет.

Можно установить, что именно Закон демаркации начала и конца гражданской личности, то есть, начало жизни и когда он перестает существовать для правового мира. Таким образом, статьи 2 и 6 соответственно имеют гражданскую личность человека, начиная от рождения живым и заканчивая смертью:

Искусство. 2. Гражданская личность человека начинается с рождения с жизни; но закон делает безопасными, от зачатия, права будущего ребенка.

Искусство. 60 Существование естественного человека заканчивается смертью; это, что касается открепительных удостоверений, предполагается в тех случаях, когда закон разрешает открытие окончательной правопреимства. (BRASIL, Гражданский кодекс и соответствующие нормы, 2020 год, стр. 47).

Видно, что юридическая медицина, танатология и право пересекаются между явлениями жизни и смерти и относятся к различным отраслям права, таким как гражданская, уголовная, конституционная, трудовая и другие.

Например, определение момента смерти будущего ребенка имеет явные правовые

последствия в гражданском праве: если смерть наступила в утробе матери, если она родилась живой, а затем умерла от естественных причин или нет, они имеют решающее значение для передачи товаров путем донорства.

В первой части ст. 2 см мы увидели, что гражданская личность начинается с ее рождения как жизни, а во второй части указывается, что “закон ставит под угрозу, от зачатия, права будущего ребенка”.

Вскоре нерожденный ребенок может получить товар в дар, потому что он является субъектом закона. Если кто-то делает пожертвование путем бесплатного обсуждения, например, для ребенка, который должен родиться, в виде искусства. 538/542 см, для реализации передачи этого блага необходимо соблюдать правовые требования – доказательство жизни.

Искусство. 538/СС. Пожертвование считается договором, в котором одно лицо, по своей либеральности, передает активы или преимущества другому лицу.

Искусство. 542/СС. Пожертвование, сделанное будущему ребенку, будет действительным,

принято вашим законным представителем (BRASIL. Гражданский кодекс и соответствующие стандарты, 2020, стр. 87).

Эти доказательства имеют основополагающее значение для узаконивания юридической личности. В этом случае это будет зависеть от судебно-медицинского освидетельствования, так как только обследование альвеолярного расширения легких при входе кислорода докажет, что нерожденный ребенок родился живым. Диагноз, который ставится с использованием старейшей и простейшей медицинско-правовой экспертизы под названием “Галено легочной гидростатической докимазии”. (FRANÇA, 2011, стр. 332).

В случае мертворождения пожертвование не материализуется. То есть добро, данное будущему ребенку, возвращается донору; однако, если он родился, он дышал, и вскоре после хорошего был передан матери ребенка.

Доказательство того, что юридическая медицина является дисциплиной, которая субсидирует право, поэтому, юристы обязаны знать многочисленные темы, рассмотренные этой отрасли медицины.

3.3 ВИДА СМЕРТЕЙ

Гражданский порядок определяет несколько видов смерти, среди которых естественная смерть, предположительно и отсутствие, насильственные и подозрительные. Что касается смерти подозреваемых и насильственных причин, поскольку она имеет преступные последствия, то она будет представлена в следующем разделе.

Естественная смерть – называемая смертью патологическими предшественниками, т.е. от приобретенного болезненного состояния или от врожденного расстройства (FRANÇA, 2015). Естественной или реальной является смерть свидетельствует врачей, когда они определяют признаки прекращения жизни.

Предполагаемая смерть и отсутствие – отсутствующие считаются умершими с указом или без него. В первом случае закон санкционирует открытие окончательной правопреимства в форме второй части статьи 6 (отсутствующие считаются умершими в тех случаях, когда закон санкционирует открытие окончательной правопреимства). В данном случае идет судебный процесс, в ходе которого судья, выполнив требования статей 37 и 38 CC/02, определяет окончательную правопреимство активов заочного.

Во втором случае, согласно ст. 7 CC, речь идет о ситуациях, в которых тело не было найдено, например, в случаях кораблекрушения, авиакатастроф и пропавших без вести заключенных. Смерть, в этих условиях, не требует указа об отсутствии, потому что есть доказательства того, что люди на самом деле погибли, как конкретные элементы I, II и один абзац этого устройства. *In verbis*:

Искусство. 7. Предполагаемая смерть может быть объявлена без декрета об отсутствии:

Я – если это чрезвычайно вероятно, чтобы убить тех, кто был в опасности

жизни;

II – если кто-то, пропавших без вести на кампанию или взятых в плен, не найден до двух лет после окончания войны.

Единственным пунктом. Заявление о предполагаемой смерти в таких случаях может быть запрошено только после того, как обыски и расследования будут исчерпаны, и суд должен установить вероятную дату смерти. (BRASIL, Гражданский кодекс и соответствующие нормы, 2020 год, стр. 47).

Благодаря правовому прогнозированию такого рода смерти, родственники жертв стихийных бедствий и других событий, которые не оставляют следов, могут гарантировать права наследования, пенсии, страхование жизни, возмещение и другие правовые последствия.

Бразильская правовая система, она используется этой концепцией для определения конца гражданской личности человека, то есть смерти.

3.4 НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕРТЬ И ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Поскольку каждый человек зависит от документа, доказывающего смерть, среди больших проблем медицинско-правовой танатологии заключается в определении диагноза причины насильственной смерти и других видов, связанных с уголовным правом вопросов. В связи с масштабами преступных последствий, вызывая длительное обсуждение, необходимо различать только насильственные или предполагаемые причины.

Насильственная смерть – происходит от внешних причин. Она происходит из поведения, совершенного другими лицами или в отношении других лиц, включая убийства, самоубийства и несчастные случаи и предполагаемые причины. В таких случаях в связи с необходимостью проведения полицейского и судебного расследования труп должен быть направлен в Юридический медицинский институт для засвидетельства причины смерти, за исключением случаев, когда нет уголовного

преступления для расследования или когда причина смерти может указывать причину смерти, в соответствии с единственным пунктом статьи 162 Уголовно-процессуальный кодекс:

Единственным пунктом. В случаях насильственной смерти достаточно будет просто внешне оучить труп, когда нет уголовного преступления для расследования, или когда внешние повреждения позволяют установить причину смерти и нет необходимости в внутренней экспертизе для проверки каких-либо соответствующих обстоятельств (NUCCI, 2013, p. 401).

2. В убийстве (ст. 121/CP) – Это смерть, вызванная другим человеком. Не имеет значения, кто является жертвой: будь то человек или тот, кто вот-вот родится и находится в утробе матери (преступный аборт) или во время родов (детоубийство) или даже в случаях, чтобы сокращение чьих-то страданий (благочестивых убийств).
4. Самоубийство – Хотя это не считается преступлением, смерть, вызванная сама по себе, по-прежнему анти-правовой факт, вот, самоуправия является поведением, противоречащим закону. Настолько, что один наказывает покушение и побуждение к самоубийству.
6. Подстрекательство или помощь самоубийству (ст. 122/CP). Поведение побуждения или подстрекательства кого-либо к самоубийству или оказания ему помощи в этом наказывается изоляцией, а наказание усугубляется квалификаторами, когда они практикуются по эгоистичным причинам или жертва несовершеннолетняя.
8. Смерть подозреваемых причин – это тот, который происходит сомнительным образом, включает в этот список внезапную, случайную смерть и для которой нет никаких доказательств наличия насильственной причины или патологических предшественницы, поэтому она будет определена после танатологического обследования (FRANÇA, 2015).

Иногда экспертиза может оказаться не в состоянии сделать вывод о том, является ли это смертью в результате несчастного случая, самоубийства или преступления. В таких случаях при условии исчерпания всех имеющихся средств для доказательства случая смерти он получил правовую заголовок неопределенной причины (FRANÇA, 2015).

Если, с одной стороны, “причина смерти с медицинской точки зрения, то все болезни, болезненные состояния или травмы, которые либо повешали смерть, либо

способствовали этому, и обстоятельства несчастного случая или насилия, которые произвели любой из таких травм (CID -10)”, с другой стороны, юридическая причина классифицируется как естественная или насильственная (ALCÂNTARA, 2006, p. 308/9).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы увидели, что изучение танатологии не ограничивается одной областью знаний, академической области или профессиональной деятельности. Тема, которая обсуждалась со времен древних цивилизаций философами, историками, врачами, юристами и другими учеными, но остается загадкой человеческого существования.

Историческое размышление по трем предложенным пунктам обсуждения показало, прежде всего, как со временем трансформируется способ решения этой темы; во-вторых, эта смерть госпитализирована, госпитализирована, удалена от семьи и даже от общества; и, в-третьих, как юридическая медицина и танатология неразрывно связаны с наукой права.

В качестве фона подхода, потому что это книга, центральной темой которой является танатология, мы также постарались привлечь внимание к дистанцированию темы как в профессиональном обучении, так и на практике. Что заставляет его предположить, что необходимо обсудить эту тему в академическом образовании, учитывая огромные трудности в решении дискуссий, связанных со смертью и смертью.

Хотя цели дисциплины «Юридическая медицина и танатология» также предназначены для обучения студентов этико-правовым аспектам профессиональной деятельности, процесс смерти подвергся экономическому меркантилизму со стороны больничных учреждений.

С головокружительным научным прогрессом наблюдается растущее преобладание техники по болезни и тенденция держать организм в эксплуатации по максимуму с помощью сложного оборудования, прогресс которого в конечном итоге превращает болезнь в объект торговли и прибыли.

В этом контексте связь профессионалов в больничной среде со смертью стала

безличной, холодной и прямой, даже из-за самого технического и фрагментарного образования. В союзе с трудным согласованием технических решений с гуманизированной заботой отражается трудность в разговоре о смерти, как показано в исследовании, разработанном в первые годы этого столетия.

В 2005 году Starzewski *et. al.* (2005) провел опрос с членами семьи и врачами вскоре после смерти пациента. Это исследование показало, что наиболее сложные ситуации, с которыми сталкиваются врачи при разговоре с семьей, в основном в случае молодых пациентов (43,4%), смерть от острых состояний (56,6%) и когда семья не понимает случая (17%). Что касается академической подготовки, то только 18,9% специалистов считают, что по этому вопросу была бы надлежащая подготовка.

В области права трудности еще больше, и в XXI веке это вызывает определенное недоумение, если мы обсудим актуальность этих знаний для подготовки специалистов в юридической карьере. Этот факт напоминает нам о том, что после изменений в высшем образовании в Империи, кульминацией которых стало расширение юридических школ, кафедра юридической медицины в юридическом образовании была включена в Указ 9360 от 17 января 1885 года в качестве обязательного предмета, но сегодня она даже не интегрирует учебную программу, даже если она интегрируется в большинстве факультетов предлагается в качестве факультативной дисциплины (BRASIL Decree, 9.360/1885).

После всех этих десятилетий в редакции Постановления No 5 от 17 декабря 2018 года, которая реорганизовала Национальные руководящие принципы юридического образования в Бразилии, не содержится прямой информации о необходимости обязательного преподавания юридической медицины в учебных программах курсов бакалавриата по праву (BRASIL, постановление No 5/2018).

В заключение, хотя смерть является естественным и недвученным фактом, разговоры на эту тему всегда были предметом, окруженным тайнами и страданиями. Даже те, кто имеет дело со смертью в своей жизни, не готовы должным образом справиться с явлением смерти, возможно, для юристов.

СПРАВКА

ABBAGNAMO, Nicola. Dicionário de filosofia. Edição revista e ampliada. São Paulo: Martins Fontes, 2007.

A HISTÓRIA DA FILOSOFIA. Epicuro e a medicina da alma. Nova Cultura, São Paulo, 2004.

ALCÂNTARA, Hermes de. Perícia médica judicial. 2ª Ed. Rio de Janeiro: Guanabara Koogan, 2006. p. 308/9.

ARAÚJO, Paulo Afonso de. Nada, angústia e morte em ser e tempo, de Martin Heidegger. Revista Ética e Filosofia Política – V. 10, nº 2, Dez. 2007.

ARIÈS, Philippe. História da morte no ocidente. Tradução por Priscila Viana de Siqueira. Rio de Janeiro: Francisco Alves, 1977.

ARIÈS, Philippe. História da morte no Ocidente: da Idade Média aos nossos dias. Rio de Janeiro: Ediouro, 2003.

BRASIL. Código Civil e normas correlatas. 11ª. Ed. Brasília, DF : Senado Federal, Coordenação de Edições Técnicas, 2020.

BRASIL. Resolução nº 5, de 17 de Dezembro de 2018. Institui as Diretrizes Curriculares Nacionais do Curso de Graduação em Direito e dá outras providências. Disponível em: <https://bit.ly/3fAxZtK>. Acesso em: 08.08. 2020.

BRASIL. Resolução CFM nº 1995, 09 de agosto de 2002. Dispõe sobre as diretivas antecipadas de vontade dos pacientes. Disponível em: <https://bit.ly/3gISSUR>. Acesso em: 08.08. 2020.

BRASIL. Resolução nº 2.173, de 23 de Novembro de 2017. Define os critérios do diagnóstico de morte encefálica. Disponível em: <https://bit.ly/33BATvY>. Acesso em: 08.08. 2020.

BRASIL. Lei Nº 9.434, de 4 de Fevereiro de 1997. Dispõe sobre a remoção de órgãos, tecidos e partes do corpo humano para fins de transplante e tratamento e dá outras providências.

Disponível em: <https://bit.ly/3gHBbVO> Acesso em: 08.08.2020.

BRASIL. Decreto 9.360, de 17 de janeiro de 1885. Dá novos Estatutos às Faculdades de Direito. Disponível em: <https://bit.ly/2XECYTR>. Acesso em: 08.08. 2020.

BUCHARD, Alan Barbosa. Reflexão tanatológica: dos helenistas a Montaigne. VII Encontro de Pesquisa na Graduação em Filosofia da UNESP. V. 5, 2012, p. 124. Disponível em: <https://bit.ly/38BbuD8>. Acesso em 08/06/2020.

EPICURO. A carta sobre a felicidade (A Meneceu). 2ª reimpressão. Tradução do original *Lettera sulla felicità*. Tradução e apresentação de Álvaro Lorencini e Enzo Del Carratore. São Paulo: Fundação Editora UNESP. 2002.

EPICURO. Carta sobre a felicidade: a Meneceu. Trad. Álvaro Lorencini, Enzo Del Carratore. São Paulo: UNESP, 1997.

FIGUEIREDO, M.G.M.C.A.; STANO, R.C.M. T. O Estudo da Morte e dos Cuidados Paliativos: uma Experiência Didática no Currículo de Medicina. R. Bras. de Educ. Médica. Vol. 37, nº 2, p.298 – 307, 2013.

FOUCAULT, Michel. O nascimento da Clínica. 7ª Ed. Rio de Janeiro: Forense universitária. 2013.

FRANÇA, Genival Veloso. Medicina Legal. 9º Ed. Rio de Janeiro: Guanabara Koogan, 2011.

FRANÇA, Genival Veloso. Medicina Legal. 10º Ed. Rio de Janeiro: Guanabara Koogan, 2015.

FREIRE, José Jozefran Berto, Medicina Legal fundamentos filosóficos. São Paulo; Editora Pillares, 2010.

GOMES, Táuria Oliveira. A ética de Epicuro: um estudo da *carta a meneceu*. Revista Eletrônica. Μετανόια. São João del-Rei, n. 5, p.147-162, jul. 2003.

GOMES, Hélio. Medicina Legal. 31ª Ed. Rio de Janeiro: Livraria Freitas Bastos S.A. 1994.

GURGEL, Wildoberto Batista. A morte como questão social. Barbaroi. Santa Cruz do Sul, n. 27, jul./dez. 2007. Disponível em <https://online.unisc.br/seer/index.php/barbaroi/article/viewFile/138/570> capturado em 10/02/2019.

HEIDEGGER, Martin. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer, 2001.

HEIDEGGER, M. Ser e Tempo. 14ª Ed. Rio de Janeiro: Vozes, 2005.

HEIDEGGER, Martin. Da essência da verdade. In: Ser e verdade. Trad. Emmanuel Carneiro Leão. Petrópolis: Vozes; Bragança Paulista: Ed. Universitária São Francisco, 2007 a.

HOUAISS, Koogan. Enciclopédia e dicionário ilustrado. Rio de Janeiro: Edições Delta. 2004.

KOVÁCS, Maria Julia. Desenvolvimento da Tanatologia: estudos sobre a morte e o morrer. Paidéia, Ribeirão Preto, vol.18 no.41, 457-468, Sept./Dec. 2008.

MASSON, Cleber. Direito Penal. Vol. 2. Parte especial. Arts. 121 a 212. 11. ed. rev., atual. e ampl. Rio de Janeiro: Forense, São Paulo: MÉTODO, 2018.

MEDEIROS, Luciana Antonieta & LUSTOSA, Maria Alice. A difícil tarefa de falar sobre morte no hospital. Rev. SBPH, Rio de Janeiro, vol.14 nº.2, dez. 2011.

NUCCI, Guilherme de Souza. Código de Processo penal. 12ª Ed. rev. atual. e ampl. São Paulo: Editora Revista dos Tribunais, 2013.

KÜBLER-ROSS, Elisabeth. Sobre morte e morrer: o que os doentes terminais têm para ensinar a médicos, enfermeiros, religiosos e aos seus próprios parentes. Tradução de Paulo Menezes. 8º Ed. São Paulo: Martins Fontes, 1998.

ORIONE, Eduino José. A meditatio mortis montaigniana. Kriterion: Revista de Filosofia, Belo Horizonte, nº 126, Dez./2012, p. 463-481.

PEREIRA, Regina Marisol Troca. Diógenes Laércio, livro X: Epicuro -Notas Preliminares e Tradução. Revista Labor Histórico, Rio de Janeiro, nº 5, v. 2, p. 443-511, jul./dez. 2019. DOI: <https://doi.org/10.24206/lh.v5i2.29961>.

PLATÃO. Apologia de Sócrates. Tradução: Sueli Maria de Regina. São Paulo: Martin Claret, 2009.

SÊNECA, Epístolas a Lucíolo, VIII, epístola 70. In: PUENTE, Fernando (Org.). Os filósofos e o suicídio. Belo Horizonte: Ed. UFMG, 2008.

SALVIANO, Jarlee. A metafísica da morte de Schopenhauer. Rev. *ethic@*-Florianópolis, v. 11, n. 2, p. 187- 197, julho de 2012.

SILVA, Markus Figueira da. Epicuro e a morte como perda da subjetividade. Revista Princípios, Natal, a. II, n. 3, p. 140-6), Jul./Dez, 1995.

SPLNDOLA, Thelma; Macedo, Maria do Carmo dos Santos. A morte no hospital e seu significado para os profissionais. R. Bras. Enferm. Brasília. v. 47, n.2, p.108-117, abr./jun. 1994.

Starzewski Jr et al. O preparo do médico e a comunicação com familiares sobre a morte. Rev. Assoc. Med. Bras. [online]. 2005, vol.51, n.1, pp.11-16.

SUXO CH, Nestor. Morrir es filosofar. Bolívia. Cochabanba: Editora educación y cultura, 2015.

ZAIDHART, Sérgio. Morte e a formação médica. Rio de Janeiro. Francisco Alves, 1990.

^[1] Candidat медицинских наук в Университете Бразилиа – УНБ (зона биоэтической концентрации); Магистр образования и этики; Специализированное управление больницами и прикладная этика и биоэтика (ФИОКРУЗ); Окончил юридический факультет, окончил факультет сестринского дела и акушерства; Адвокат; Медсестра; Отставной адъюнкт-профессор Федерального университета флуминенсе; Бывший координатор курса специализации в области медицинского права юридического факультета Государственного университета Рио-де- Бывший президент Ассоциации медицинского права и здравоохранения – Адимс; Область практики Медицинское и медицинское право. Делегат Комиссии по здравоохранению Oab/RJ/Nit. Исследователь Cnpq.

Представлено: Август 2020.

Танатология: историко-философский подход к смерти в контексте правовой медицины и права

Утверждено: октябрь 2020 года.